

МАРИЯ РЫБАКОВА

МАРИЯ РЫБАКОВА

ЕСЛИ ЕСТЬ РАЙ

Москва
2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р93

Художественное оформление серии
Алексея Дурасова

Рыбакова, Мария Александровна.

Р93 Если есть рай / Мария Рыбакова. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-04-101483-4

Мария Рыбакова, вошедшая в литературу знаковым романом в стихах «Гнедич», продолжившая путь историей про Нику Турбину и пронзительной сагой о любви стихии и человека, на этот раз показывает читателю любовную драму в декорациях сложного адюльтера на фоне Будапешта и Дели.

Любовь к женатому мужчине парадоксальным образом толкает героиню к супружеству с мужчиной нелюбимым. Нелюбимым ли? Краски перемешиваются, акценты смещаются, и жизнь берет свое даже там, где, казалось бы, уже ничего нет...

История женской души на перепутье.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рыбакова М., текст, 2020

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-101483-4

Глава 1

Запомни снег и чернеющий лед, сказал Варгиз, запомни этот низкий купол, старую кирпичную кладку, запомни, как мы покупали билеты, как ты пыталась объясниться, запомни эту гулкую лестницу, кабинки для переодевания, запомни коридоры, по которым мы шли, запах сырости и тел, посмотри в тусклое зеркало и запомни свое тело в купальнике, запомни, как шла по темному коридору, запомни треснувший кафель, надписи на стенах, запомни узкое отверстие в стене, нависающий в полутьме свод, его синий цвет и отверстия в форме звезд, запомни, как пахла эта вода — тухлыми яйцами, серой, адом, мы купались под небесным сводом, под каменными звездами, в серной воде. Запомни разводы от сырости, запомни восьмиугольник стен — по количеству ангелов, возносящих трон Аллаха, запомни пар, обволакивающий наши лица, запомни вон того старика, с черепашьей шеей и дряблыми веками, с улыбкой на сморщенных губах, его тело в горячей воде, скрюченные пальцы на бортике бассейна, запомни бледную девушку, и парня в синих плавках, и пышную женщину в резиновой шапочке с резиновыми лепест-

Мария РЫБАКОВА

ками роз. Запомни тебя и меня, разгоряченных и раздетых, под куполом кирпичного неба, пронзенного звездами, запомни, как пахнет эта вода — серой, тухлыми яйцами, адом — запомни, что ты боишься ко мне прикоснуться, что я боюсь прикоснуться к тебе, и все — только еще преддверие, история еще не началась, дух божий только носится над водой.

(Варгиз признался, что обычно фотографировал все, что попадалось на его пути: вид города, стакан пива, льдину, плывущую по реке, ворону на снегу. Но в бане делать снимки было запрещено, и он просил меня запомнить все до мельчайших подробностей, хотя для него в моих воспоминаниях не было прока: их нельзя было выставить в Инстаграм или в Фейсбук и подсчитать количество лайков. Варгиз расстраивался, если никто не реагировал на его посты в социальных сетях, он любил, чтобы его замечали.)

В марте тридцать восьмого Александр Гроссшмид вышел погулять на бастионы, окружавшие Старый город. С бастионов открывался вид на реку и на противоположный, плоский, берег с расстилавшимися до горизонта улицами и бульварами. Если пройти подальше, то с бастионов можно было увидеть холм, на котором когда-то росли розы, а сейчас стояли виллы богачей. Те, с кем он обычно обсуждал поэзию в кафе или играл в теннис, жили неподалеку и тоже выходили пройтись. Гроссшмид рассеянно здоровался с ними и глядел сверху вниз на продрогший, подернутый мартовской дымкой город. Вдруг он замедлил шаг. Ему пришлось схватиться обеими рука-

ЕСЛИ ЕСТЬ РАЙ

ми за каменный парапет, шедший вокруг бастионов. Ему показалось, что под ногами, по земле, пробежала едва заметная дрожь. Что-то сдвинулось то ли в воздухе, то ли на земле. Так бывает перед землетрясением, подумал Александр Гроссшмид.

В этот день, двенадцатого марта тысяча девятьсот тридцать восьмого года, за сотни километров от Старого города, немецкие войска вошли в Вену. Аншлюс означал начало конца, конца жизни, какой ее знал Александр Гроссшмид: конец его жизни в этом городе, начало страха, изгнание. В сорок седьмом он уедет, чтобы никогда больше не увидеть этот город. Он скажет, что ему пришлось выбирать между гибелью (быть расстрелянным войсками нового режима), ложью (стать певцом социалистического реализма), молчанием (а молчание, как известно, — знак согласия) и эмиграцией. Он выбрал последнее.

Он умрет в Америке, так никогда и не вернувшись в этот город.

Через семьдесят лет после его отъезда мы с Варгизом встретимся на бастионах и будем фотографироваться, как и сотни других приезжих. Никто из нас не подозревал, что почва готова в любой момент заколебаться у нас под ногами. Ведь здесь не бывает ни землетрясений, ни цунами. Когда мы гуляем по городу, нам кажется, что мы в безопасности.

Стайки туристов послушно бродили за гидами по Старому городу, усыпанному выпавшим за ночь снегом. Лишь крыша собора, в желто-красно-зеленых

треугольниках и цветах, выбивалась из черно-белого равновесия зимнего дня. Я вышла из гостиницы с книжкой Гроссшмида. Я впервые увидела его книжку в руках у Малкина. До этого я считала, что Малкин не стал бы тратить свое драгоценное время ни на что, кроме совершенствования Малкин-геля. Когда я увидела эту книгу — Малкин показал мне ее обложку, сказал, что это роман, в котором один человек говорит, а другой молчит, — я поклялась себе, что прочту ее. Эта книжка, наверное, показалась мне проводником в сердце Малкина, и, хотя мне пришлось убедиться, что это не так, я продолжала читать роман за романом Александра Гроссшмида. Они все были похожи друг на друга, они были об изменах, о семейных тайнах, о стране, которой больше не существовало. Но неужели, спрашивала я себя, я приехала в этот город только из-за любви к книжкам Гроссшмида — или же из-за того, что я надеюсь изгнать прошлое из своей жизни, сделать бывшее небывшим, отмыться добела, покрыть себя новой невинностью, как этим снегом, покрывшим город?

Я подумала: найду какое-нибудь кафе, буду читать. Мне хотелось, чтобы меня кто-нибудь обнял. Я свернула на бастион, называвшийся Рыбацким, хотя он был очень далек от реки, на высоком ее берегу, на холме — с бастиона, правда, открывался вид на реку и на плоский противоположный берег.

Простите, вы не могли бы меня сфотографировать. Так, чтобы и панорама поместилась, и мое лицо.

Я взяла протянутый телефон и чуть не уронила том Гроссшмида.

ЕСЛИ ЕСТЬ РАЙ

Давайте, я подержу вашу книжку, сказал человек, попросивший меня его сфотографировать.

Я навела камеру на смуглое лицо, на закутанную в шарф шею. Он стоял у края бастиона, у балюстрады. В руках теперь у него была моя книжка, за его плечами видна была река и другой, низкий, берег. Я скомандовала: раз, два, три, и он улыбнулся так широко и белозубо, что я не выдержала и улынулась в ответ.

Вам повезло, сказала я. Обычно, когда меня просят сделать фотографию, я говорю, что мне некогда.

Не любите туристов, спросил он.

Просто не люблю их лиц на фоне памятников.

Ну, извините, сказал он.

Ничего, сказала я. Вы, по крайней мере, один здесь фотографируетесь. За одиночество — уважаю. Не люблю, когда туристы стадами ходят и просят, чтобы их увековечили.

Но вы сама тоже не отсюда, сказал он. Откуда вы?

Неужели не понятно по акценту, спросила я.

Русская?

Точно. А вы из Индии?

Да.

Мне нравится, какой в Индии говор.

А мне нравится русский акцент.

Ну вот и договорились. Нам взаимно нравятся наши акценты. Да здравствует дружба народов. Было приятно познакомиться.

Я отдала салют и повернулась, чтобы уйти.

Подождите, сказал он. Ваша книжка! Это интересный писатель? Русский?

Мария РЫБАКОВА

Нет, местный. Я взяла почитать, потому что...

Александр Гроссшмид, прочел он, прежде чем протянуть мне книгу. Я уже видел где-то имя. Вспомнил, я его видел на плакате. Огромный такой плакат висит рядом с магазином. Он участвовал в восстании?

В восстании пятьдесят шестого года?

Да, в восстании шестьдесят лет назад. Я вижу плакаты по всему городу. Простите, сказал он, я так и не знаю вашего имени. И кстати, вам не холодно? Мне очень холодно. Думал зайти согреться где-нибудь. Хотите чего-нибудь выпить?

Может быть, подумала я, он просил меня сделать снимок не потому, что хотел сфотографироваться, а просто чтобы у него нашелся предлог заговорить со мной. Ему хотелось поговорить, хоть с кем-нибудь.

Хотите, пойдём в кофейню? Он поежился.

Я понимала, что он готов уже пойти туда один, но все же решил сделать еще одну отчаянную попытку зазвать меня туда же, за компанию. И действительно, почему он — или кто бы то ни было — должен был быть обречен на одинокий столик, на одинокую чашку кофе? Что за неотложные дела зовут меня? Я могла бы пойти в кафе с человеком, оказавшимся, как и я, в чужой стране; как и я, без друзей; человеком, который — как и я — не знает ни местного языка, ни местных привычек. Конечно, я могла бы просто улыбнуться и распрощаться, это было бы естественно: ведь мы незнакомы. Я могла даже подумать, что он пристает. Но в то же время уйти было бы маленьким преступлением против человечества, человечества в лице одного мерзнущего иностранца,

ЕСЛИ ЕСТЬ РАЙ

заматавшего шею шарфом, одного незнакомца, которому хотелось в этот день поговорить со мной.

Он повел меня к невысокому зданию, чей фасад был обшит зелеными досками. Мой новый знакомый ступал так уверенно, что я подумала: он уже бывал здесь раньше. Он распахнул передо мной дверь, и я вошла в жарко натопленную комнату под белым бочкообразным сводом. На освещенном прилавке лежали пирожные: кремовые, шоколадные, фруктовые, халва, рулет с маком. Но мы прошли в соседнюю комнату, тоже похожую на большую бочку. Здесь по стенам были развешаны черно-белые фотографии, а в углу стояла печь, одетая в зеленый кафель. Если попытаться не замечать галящихся туристов с их камерами, рукавицами, шапками и путеводителями на столиках, то можно было представить себе, что мы попали в прошлое, лет сто или даже двести тому назад. Спутник взял мою куртку, чтобы повесить на крючок деревянной вешалки в углу, и показал мне на маленький диван, обитый полосатой материей.

Когда новый знакомый сел рядом, от него все еще веяло принесенным с улицы холодом. Мне захотелось прикоснуться к его чисто выбритой щеке. Наверняка она так же холодна с мороза. Я не знала, красив ли он. В нем было что-то ухоженное, гладкое, как в человеке, который тщательно следит за собой, вникая во все детали гардероба и гигиены. Но глаза его блеснули и бегали, и в этом не было ничего неприятного, наоборот, становилось весело, как будто он задумал проказу и вот-вот удивит.

Я не представился, сказал он. Меня зовут Варгиз.

Он сидел вполоборота ко мне, положив колено на диван. Расстояние между нами было чуть меньше, чем полагалось для новых знакомых. Я даже чувствовала запах его одеколона.

По-английски это Джордж. Который дракона убивает. Не знаю, как будет по-русски.

По-русски будет Георгий. Вы тут в отпуске, Варгиз?

Нет, сказал он. Я тут на исследовательской стипендии. В университете. Пытаемся решить проблему голода в странах третьего мира. Совместный проект. Заранее, как вы понимаете, обреченный на провал. Но все же мы не теряем надежды. Я не теряю, по крайней мере. У меня такой характер. Даже когда все идет к чертям, я продолжаю верить, что лучшее уже на горизонте. Надо сделать только еще несколько отчаянных усилий. Если вам интересно, могу объяснить, в чем наш проект заключается.

Мне казалось, что он уже несколько дней ни с кем не общался и не хотел меня отпускать, не выговорившись. У меня как-то не лежало сердце слушать про международный проект. Нам принесли кофе, и мы оба, не сговариваясь, обхватили чашки ладонями, чтобы согреть руки.

Но может быть, вам неинтересно, сказал Варгиз с совершенно искренним огорчением. Я поспешила его заверить: мне очень интересно.

Он улыбнулся: А вот меня всегда интересовал Советский Союз, сказал он. Не столько Россия, сколько Советский Союз. Его утопия. Я знаю, что реальность не совпала с идеей. Но идея была правильная. Хотя,

ЕСЛИ ЕСТЬ РАЙ

может, у вас другой взгляд на это. Но сама идея — идея равенства и братства — сама идея была очень хорошая, согласитесь. Должен вам признаться, что я даже пять лет состоял в коммунистической партии.

В индийской компартии?

Да. Марксистско-ленинской. У нас их две. Марксисты-ленинцы, легальная партия. И маоисты, они же наксалиты — нелегальная. Нелегальная, потому что устраивают террористические акты. А моя партия — моя бывшая партия, я в ней больше не состою, хотя не могу полностью расстаться с идеалами, — моя компартия не только легальна, но и третья по величине в парламенте.

Он поставил чашку на стол.

Я из Кералы. Вы знаете? Это южный штат. Коммунистическая партия в нем очень сильна. И христиан очень много. Не знаю, есть ли тут связь. Наше христианство очень старое. Коммунизм, сами понимаете, молодая идеология. Но я больше не живу в Керале, я переехал в столицу.

В Дели?

Да.

А сколько людей в Дели?

Девятнадцать миллионов.

В Дели есть метро?

Есть. С две тысячи второго года. Но в вашей стране метро намного известнее нашего. Я видел фотографии ваших станций — как дворцы.

Разговор заглох. Я знала, что мой собеседник хочет поговорить не о метро, а о Советском Союзе, но я не знала, что ему сказать.

Мария РЫБАКОВА

Вы знаете, если вас интересует СССР, вы можете спросить любого жителя в этом городе. Ведь мы оккупировали эту страну больше сорока лет.

Да, но будет ли их мнение объективным?

Я пожала плечами.

А ваше, индийское, мнение об англичанах — объективное?

Вместо ответа он спросил: вы в отпуске, вы сюда приехали отдохнуть?

Я сказала, что приехала сюда из-за Александра Гроссмида, писателя. Хотела посмотреть на город, где он жил. Я вынула из сумки томик Гроссмида и положила на столик перед Варгизом.

Варгиз опять взял книгу и стал рассматривать серую обложку, на которой был изображен красный иммиграционный штамп и фотография мужчины: брови сведены, углы губ опущены.

На фото автор изображен, спросил Варгиз, Гроссмид?

Да.

Какой грустный человек, сказал Варгиз. Вы знаете, вы чем-то похожи. Вы случайно не родственница?

Нет, нет, конечно, нет. Разве я грустная?

Нет, я не это имел в виду. Просто что-то в лице. Черты. И общая задумчивость.

Я заметила, что Варгиз волнуется. Он согрелся и скинул пальто на спинку стула. На его лбу даже выступили капельки пота, и он, положив книжку обратно на стол, вытер пот носовым платком. Настоящим полотняным носовым платком, какие были у нас в детстве, а не бумажной салфеткой.

ЕСЛИ ЕСТЬ РАЙ

Только из-за писателя, спросил Варгиз и прищурился, как будто хотел сказать: «Я знаю, подруга, что ты мне о чем-то недоговариваешь». Я действительно недоговаривала о чем-то, но, чтобы объяснить это, мне потребовался бы месяц, или год, или, может быть, целая жизнь, и Варгиз все равно бы не понял — думала я, — потому что он не оттуда, он из другого мира, и он ничего не поймет про Советский Союз, который его так интересует.

Гроссшмид писал, что любить возможно только на родном языке, сказала я.

В каком смысле?

В смысле, что невозможно влюбиться в женщину, с которой вы говорили в детстве на разных языках. Вы, например, тоже думаете, что можно любить только на родном языке, спросила я Варгиза.

Потом, когда я вспоминала этот разговор, я спрашивала себя, вызвала ли я все, что произошло впоследствии, именно этим вопросом: вы думаете, что можно любить только на родном языке? Из всех вещей, которые я в тот момент могла рассказать Варгизу о Гроссшмиде — о странных романах, где герой не произносит ни слова, о том, что Гроссшмид запретил печатать свои книги, пока Советы не выведут войска из его страны, о том, что он в изгнании выстрелил себе в висок, или даже о том, как Малкин рассказал мне об этом (Малкин рассказывал, что за десять лет собрал более сотни таблеток фенobarбитала и других пилюль, которые останавливают сердце, — если Малкин-гель окажется ошибкой, то он последует примеру Гроссшмида